

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ослепительное сияние девственно-белого снега и оглушительная, неземная тишина... Склоны альпийских ледников, похожие на гигантские пасхальные куличи, безмятежно покоились под куполом холодной голубой бесконечности. Желтые лучи зимнего солнца едва ощутимо грели оконное стекло, Алиса потрогала его кончиками пальцев и недоуменно покачала головой.

— Солнце в ледяной пустыне — обалдеть, — прошептала она.

Не в силах оторваться от завораживающей картины ледяной вечности, Алиса приникла лбом к прохладному окну и замерла в благоговейном восхищении.

Швейцария. Гриндельвальд. Бескрайние снежные просторы и полное безлюдье, будто Алису занесло на край света. А ведь в ста километрах от их уютного шале — Берн и международный аэропорт, откуда они с Марком добирались в уютом-рачительном лимузине с диванами, баром и спутниковым телевидением.

— Можно было на поезде, — рассуждал Марк, развалившись на мягкой сливочной коже заднего сиденья. — Но мне хотелось тебя побаловать.

Последние полтора месяца Алисе с трудом верилось в происходящее. Она — обыкновенная девятнадцатилетняя девчонка, чьим главным жизненным достижением был титул «Мисс Тверь-1993», она и Венеция, она и Париж, она и элитный курорт Гриндельвальд, она и сын одного из богатейших людей мира Лейба Фридмана. Она — жена его сына! Чудесный сон. Рождественская сказка про Золушку. А вот поди ж ты... Алиса сильно ущипнула себя за ухо, чтобы проверить, не сон ли это в самом деле, зашипела от боли, но все осталось на своих местах — и худощавое тело Марка, разметавшееся на синих шелковых простынях, и далекие пестрые крыши Гриндельвальда, и приближающееся Рождество с подарками, которых Алиса ждала с замиранием сердца. Марк обещал подарить ей нечто, о чем она и мечтать не могла. Так и сказал:

— Ты в обморок упадешь, готовься.

Зеленые, как альпийские луга, глаза Алисы молили:

— Скажи. Не мучай.

Но он только тихо смеялся, нежно целуя ее прозрачные пальцы:

— Нет, нет, Лиса, — так он прозвал ее с первого дня знакомства, — не могу. Это сюрприз.

Сверкающий ореол далекой вершины Шильтхорн, самой высокой горы Гриндельвальда, притягивал взгляд. Марк, теща эго всезнайки, любил блеснуть эрудицией и рассказывал Алисе о Швейцарии много занимательного. К примеру, он знал, что здесь, в Гриндельвальде, проложена самая высокогорная железнодорожная ветка в мире, и ведет она к перевалу Юнгфрауйох.

— А на перевале расположена самая крупная в Европе звездная обсерватория, оснащенная мощнейшим телескопом, — с гордостью продолжал он. Он так расхвастался, что Алиса не удержалась и уколола:

— Ты говоришь так, будто сам ее построил.

— Какие мои годы! Еще и не такое построю. И знаешь, как назову?

— Ну?

— «Лиса»!

— Дурашка ты, — звонко хохотала Алиса.

Боже, вот она, Швейцария! Страна банков, лучших в мире часов, вкуснейшего шоколада и чудес. И Алиса. Алиса в стране чудес! Невероятно! Дух захватывает! Алиса лихо крутанулась на одной ноге и взвизгнула от восторга, опомнившись, испуганно прикрыла рот ладошкой и оглянулась на мерно посапывающего Марка, он зашевелился было, но тут же затих. Алиса решила не будить новобрачного, они были женаты всего-то шесть дней, потихоньку оделась

и на цыпочках вышла из комнаты. Шале было в два этажа, на первом — кухня и столовая, на втором — две небольшие спальни.

Снизу доносился звон тарелок, домовитое шкворчание масла на сковороде и монотонное шарканье прислуги. В воздухе витал терпкий, ни с чем не сравнимый аромат свежемолотого кофе. Ингрид, мужеподобная женщина неопределенного возраста с топорным лицом и большими жилистыми руками, приходила в восемь часов утра, готовила, убиралась в доме, подавала на стол, а в пять вечера с поистине швейцарской точностью удалялась. Жила она в соседней деревушке Лаутербрюннен, что раскинулась у подножия Шильтхорн, в четырех километрах от их шале. Обыкновенно Ингрид перемещалась на мотосанях. Алису от души забавляло, когда крупная, похожая на гренадера Ингрид в пуховой куртке, высоких теплых ботинках, замотанная в шерстяную шаль по самые глаза, седлала своего механического коня и включала зажигание. Два-три коротких чиха двигателя, и она срывалась с места, бешено несясь по ледяной пустыне и взметая за собой столб радужной снежной пыли. Деревенская крестьянка верхом на мотосанях была предметом их с Марком постоянных шуток.

Сбежав по узкой деревянной лестнице, Алиса заглянула в кухню. Возившаяся с тестом для круассанов Ингрид обернулась и приветствен-

но кивнула, ее выцветшие серо-голубые глаза неодобрительно уставились на полураздетую Алису. Громко чихнув, женщина утерлась тыльной стороной ладони и громко заговорила по-французски, тыча узловатым, испачканным мукой пальцем в окно. Алиса озадаченно уставилась на женщину, потом перевела взгляд на окно и радостно улыбнулась:

— Бонжур, Ингрид. Погода манифик. Шарман, — попыталась она выразить свою мысль на смеси русского и французского.

Швейцарка сердито кивнула, и ее длинные, прямые, точно проволока, волосы упали на лицо. Большого она от Алисы и не ждала. Бернский кантон, один из двадцати шести кантонов Швейцарии, разговаривал преимущественно по-немецки, Ингрид была одной из немногих в деревне, кто говорил на французском. А чего ждать от русских? Слава богу, хоть понимают!

В ожидании завтрака Алиса решила прогуляться по окрестностям. Она проворно забралась в пухлый лыжный костюм, собрала длинные волосы в пучок, натянула вязаную шапку с помпоном и, махнув Ингрид рукой, отправилась на прогулку. Выйдя на улицу, невольно зажмурилась, солнце — яростное, неудержимое — слепило глаза. Алиса вспомнила прошлогоднюю телепередачу, где ученые объявили, что обнаружили трещину на солнце. «Оно, светило, — авторитетно вещал седой академик

с экрана, — грозит взорваться в любой момент, и шансов спастись нет. Апокалипсис на пороге!» Тогда, сидя на шестиметровой кухне крохотной квартирki, девушка злорадно потирала руки: «Ага! Значит, Судный день грядет, где все будут равны: и бедные и богатые! Так оно! Солнце не купишь. Значит, всем конец! И вам, господа олигархи, тоже! А то плавают, гады, в нефтяных бассейнах и думают, что сам черт им не брат!». То, что ей, Алисе Вересаевой, в этом случае тоже крышка, девушке тогда в голову не пришло. Уж очень устала от нищенской жизни на копеечную зарплату мамы — рядовой школьной учительницы. Жили они вдвоем, отец бросил семью, когда Алисе было два года, и больше в их жизни никак не проявлялся. Типичная российская ситуация. Росла она обыкновенной девчушкой, веселой, послушной, хорошо училась — у мамы-учительницы не забалуешь; когда ей исполнилось четырнадцать и начался период полового созревания, она с удивлением обнаружила, что все окрестные мальчишки, парни и даже мужчины постарше не сводят с нее восторженных глаз и откровенно робеют в ее присутствии. К пятнадцати она уже прекрасно сознавала силу своей привлекательности, эту безграничную «мягкую власть» над противоположным полом. Всеобщее поклонение вскружило ей голову. Несмотря на то что они с мамой продолжали экономить каждую копейку (даже колготки в морозилку

клали, чтобы дольше носились), вообразившая себя Ким Бэсинджер, Алиса сделалась нагловатой и высокомерной, частенько обижала мать, хотя видела, как та тянет из себя последние жилы, чтобы заработать. Но денег постоянно не хватало, за три дня до зарплаты они всегда ели «голые» макароны без масла. Тяжело было. Ох тяжело. Теперь, когда колесо фортуны совершило магический оборот и она очутилась в клане олигархов, ее радикалистские взгляды съезжились, полиняли и плавно трансформировались в широкие демократические, а если называть вещи своими именами, то попросту ханжески «мимикрировали». Алиса поехала, в столь счастливый момент думать о социальной несправедливости, глобальных катастрофах и собственном меркантилизме и малодушии не хотелось. Она досадливо отмахнулась от непрощенных воспоминаний и поспешила в сторону темнеющих справа въездных ворот. Мерзлый снег обиженно визжал под ногами, солнце слепило, морозный воздух обжигал ноздри.

Выйдя за пределы усадьбы, Алиса осмотрелась: узкая, извилистая, уходящая вдаль дорога и ни души вокруг. Только обглоданные ветрами заиндевелые деревья по обочинам. Холодно и стерильно, как в операционной.

«Жутковато как-то», — подумала она и, немного потоптавшись, двинулась в сторону видневшейся впереди Шильтхорн.

— Туда. Там канатки, лыжи, люди, — вполголоса приговаривала она на ходу. — Там жизнь.

Добравшись до ближайшего дерева, девушка остановилась. Старый заледеневший вяз тянул скрюченные пальцы ветвей к равнодушному зимнему солнцу, будто моля о благодатном тепле. Алиса подошла к дереву, обняла покрытый изморозью ствол руками и пожалела старика:

— Потерпи, дедушка. Через пару месяцев оттаешь, согреешься и оживешь. Молодые листочки будут шептаться в твоей кроне под дуновение летнего ветерка. У тебя все будет хорошо. Как у меня. Не веришь? Правда-правда. — Алиса запрокинула голову и взгляделась в искореженные временем сучья. — Еще три месяца назад я думала, что пропадаю, а теперь... — И она зажмурилась от внезапно накотившего счастья.

Все началось три месяца назад. Хмурым октябрьским утром после очередного неудачного кастинга, на котором ей посоветовали не выщипывать брови, покрасить волосы и набрать два килограмма, Алиса понуро вышла из дверей модельного агентства «Евростиль» на Кузнецком Мосту и медленно побрела в сторону метро. Два месяца бесплодных скитаний по московским агентствам и житья на съемной квартире в Перове у глуховатой старушки Аиды Степановны истощили ее как морально, так и материально. В беготне по бесчисленным модельным заведениям и ночным клубам сияющая мечта о го-

ловокружительной карьере модели потускнела и поистерлась, работа не находилась, а вместе с копившимися неудачами росла и неуверенность в себе. Неласковая московская жизнь спеси здорово поубавила, зато научила держать удар. Возвращаться домой к маме с ее оскорбительной учительской зарплатой и доисторическими взглядами на жизнь не улыбалось. И она не сдавалась. По утрам, разглядывая себя в зеркале, Алиса видела бледное худое лицо и огромные, полные щенячьей тоски глаза, обведенные фиолетовыми кругами.

— Зато экономия на косметике. Никакие тени не нужны, — вяло шутила она, собираясь в очередной поход.

— Избегалась совсем, — качала головой жалостливая хозяйка квартиры Аида Степановна. — Иди официанткой в «Колизей», хоть кормить будут бесплатно.

«Колизеум» называлось претенциозное кафе на углу их улицы. Хозяин заведения Тофик давно заприметил красивую худышку и при каждой встрече предлагал ей работу на «взаимовыгодных условиях». Об истинной подоплеке «взаимовыгодных условий» Алиса догадывалась, потому вежливо, но твердо отклоняла предложения кавказца.

На улице сеял мерзкий холодный дождь, зонта у девушки не было, но расстроенная Алиса не чувствовала ни резких порывов октябрьского

ветра, ни онемевших от ледяного дождя пальцев, она понуро плелась по мостовой, то и дело оступаясь в лужи. Уныние и обреченность, пустота и растерянность царили в неокрепшей душе девятнадцатилетней девочки. Неумолимый, жестокий город сдавил ее бетонными челюстями, грозя раздавить.

— Смотри не подавись! — с неожиданной силой пригрозила ему Алиса. — Выживу я. Все равно выживу.

— Здравствуйте, Алиса, — низкий с хрипотцой голос, прозвучавший за спиной, заставил ее вздрогнуть и обернуться.

За спиной никого не оказалось, а в метре от нее на проезжей части застыло длинное блестящее тело черного лимузина с тонированными стеклами. Алиса растерянно хлопала глазами, силясь сообразить, не послышалось ли ей.

— Подойдите, Алиса. Я здесь, в машине, — в голосе зазвучали нотки раздражения.

Похоже, обладатель голоса был человеком властным и привык к безоговорочному подчинению. Алиса наконец сообразила, что голос доносится из крокодилоподобного авто, так как одно из окон оказалось приспущено, именно оттуда с ней и разговаривали. Она осторожно двинулась к машине, раскисшие от сырости сапоги предательски чавкали, отчего Алиса чувствовала себя еще более жалкой.

— Смелее, — скомандовал голос.

Остановившись напротив узкой щели мрачно поблескивающего стекла, она вопросительно уставилась в темное чрево автомобиля, что-то зажужжало, и стекло опустилось ниже, на нее в упор смотрел лысеющий холеный мужчина в очках без оправы. На вид ему было около шестидесяти.

— Вы Алиса Вересаева? — уточнил он, скептически глядя на съезжившуюся под дождем девушку.

— Да, — пролепетала Алиса, от волнения глубже засовывая руки в карманы короткой куртки.

— Садитесь в машину, — приказал мужчина и распахнул перед ней похожую на въездные ворота дверь автомобиля.

Алиса попятилась, испуганно мотая мокрой головой.

— Садитесь, я сказал. У меня к вам деловое предложение, — приказал мужчина и повелительным жестом указал на диван напротив.

Трясаясь от страха, абсолютно не сознавая, что делает, она послушно забралась в необъятный салон и буквально утонула в мягкой коже заднего сиденья.

— Домой, — бросил мужчина водителю и повернулся к Алисе.

— К кому домой? — затравленно озираясь, испуганно пролепетала Алиса.

Мужчина не ответил, с минуту он придиричиво оглядывал ее с ног до головы, его неболь-

шие черные глаза прожигали насквозь. Алиса ежилась под его пронизательным взглядом, все плотнее вжимаясь в мягкое кресло. Наконец, очевидно, удовлетворенный первоначальным осмотром, он улыбнулся и неожиданно подмигнул перепуганной девушке:

— Лейб Афроимович Фридман. Банковская сеть «Фридман групп». Если это вам о чем-нибудь говорит. — В маленьких жгучих глазах мелькнула откровенная насмешка.

— О-ч-чень приятно, — заикаясь, пробормотала Алиса.

Она, естественно, и представления не имела о «Фридман групп», но магическое слово «банк» произвело на нее необходимое впечатление.

— И ничего вам не приятно, — оборвал ее Фридман, доставая сигареты. — Скорее, страшно, так? Курите? — поинтересовался он, протягивая золотой портсигар.

Алиса коротко кивнула и, не сводя глаз с холеного господина напротив, взяла длинную коричневую сигарету.

— Зря. Табак и красота — вещи полярные, — не без сарказма заметил банкир и глубоко затянулся. Продольные морщины на его щеках прорезались еще глубже. — Вас, Алиса, интересует, куда я вас везу, а главное, зачем? — продолжал томить девушку банкир. — Что ж, извольте. Я изложу вам суть. Все дело в моем сыне. Его зовут Марк. Он видел вас в «Метелице» на

прошлой неделе, вы ему понравились. Запали в душу, как говорится. Я разыскал вас по его настойчивой просьбе и теперь везу к нему. У него сегодня день рождения, — добавил банкир, нехорошо улыбаясь.

От растерянности Алиса выронила из рук сигарету, ее точно ледяной водой окатили, нижняя губа задрожала, глаза наполнились слезами, девушка резко выпрямилась и закричала тонким срывающимся голосом:

— Остановите машину! Я никуда с вами не поеду! Сейчас же остановите!

Видя, что Фридман на крик не реагирует, она соскочила с места и забарабанила кулаками в стекло, за которым виднелась широкая спина водителя. Тот даже не обернулся.

— А ты молодец, — выдержав паузу, снова заговорил мужчина. — Проверку прошла, с проституцией не дружишь. Во всяком случае пока. Ну-ну, детка, успокойся, — сбавил тон финансист. — Не нужно так волноваться. Дослушай. Я еще не закончил, — в голосе вновь зазвучали властные нотки. — Паника, знаешь ли, советчик плохой. Марк серьезно болен. У него лимфосаркома. Доктора говорят, остался год, может, чуть меньше. Его мать умерла год назад от обширного инфаркта, не смогла пережить известия о близкой смерти сына. Ему очень одиноко. Старых друзей он не выносит. Они напоминают ему о прошлом, когда он был здоров и беспечен.

Завидует парень здоровым баловням судьбы. На профессиональных сиделок у него аллергия, мы поменяли не меньше трех десятков за последние полгода. Словом, моему сыну нужен друг, жилетка и медсестра в одном лице. Он увидел тебя неделю назад в клубе и с тех пор говорит только о тебе, Алиса. Говорит, ты классно танцуешь. На секс он неспособен, можешь не опасаться. Словом, я работу тебе предлагаю. Не пыльную. Две с половиной штуки баксов в месяц и на всем готовом. Если приживешься, то через полгода поговорим о надбавке. Согласна?

Озадаченная услышанным, Алиса притихла, по-ученически сложив руки на коленях и недоверчиво поглядывая на банкира. Фридман достал из портсигара следующую сигарету, щелкнул золотой зажигалкой, неторопливо открыл бар, густонаселенный разнокалиберными бутылками, вынул оттуда початый виски и два бокала, плеснул на доньшко каждого по глотку, один протянул девушке. Алиса послушно взяла и, не глядя на Фридмана, еле слышно пролепетала:

— А вы не обманываете?

— Я работу тебе предлагаю. Хорошо оплачиваемую работу. Или ты завалена предложениями? — ядовито заметил финансист, делая вид, будто не слышал вопроса.

Алиса машинально кивнула и сжала в ладонях стакан с такой силой, что он чудом не треснул.

— Вот и прекрасно! Выпьем за успех нашего предприятия, госпожа Вересаева!

Фридман опрокинул виски в рот. Алиса последовала его примеру, рот обожгло, но уже через минуту взвинченные нервы размякли, точно масло на солнцепеке, исчезла противная дрожь в пальцах, и Алиса робко улыбнулась работодателю.

Автомобиль выехал из города, за заплаканным стеклом замелькали деревья, деревеньки, коттеджные поселки; под действием виски и дождя, чуть слышно шуршавшего по крыше машины, Алиса окончательно расслабилась и незаметно для себя задремала. Проснувшись, когда автомобиль затормозил перед огромным двухэтажным особняком в викторианском стиле, украшенным многочисленными башенками, балкончиками и балюстрадами. Дом располагался на небольшом пригорке, отчего возникало ощущение, что он реет над ухоженным садом и громадным лиственным парком. С красно-коричневой крышей, островерхими башнями и стенами, окрашенными в теплый песочный цвет, он будто сошел с полотен Гейнсборо.

Алиса была подавлена. В просторном, отделанном каррарским мрамором и бронзой холле их встретила миловидная светловолосая женщина в белом крахмальном передничке, она почтительно поздоровалась и забрала у вошедших верхнюю одежду. Они поднялись по широкой кованой лестнице, по обеим сторонам

которой на разной высоте парили объемные люстры муранского стекла. Вошли в просторную гостиную, декорированную в изысканных жемчужно-перламутровых тонах, где резная мебель из беленого дуба, инкрустированная все тем же перламутром, была такой изящной, что казалась игрушечной. Красивое сочетание полированного бежевого и коричневого мрамора на полу, картина, украшенная камнями Сваровски, ниши с антикварными статуэтками и полупрозрачный матовый потолок с вензелями — все поражало утонченным вкусом и безумной роскошью.

На широком, обитом бледным кремовым шелком диване сидел большеглазый изможденный молодой человек в джинсовой футболке и черной бандане, он читал. Увидев вошедших, отложил книгу и пошел навстречу. Алиса ступала и, спрятавшись за спину банкира, продолжала исподволь разглядывать окружающее ее великолепие. Справа в углу красовался большой камин, украшенный бронзой и пепельно-розовым в тонких коричневых прожилках натуральным ониксом. О! Дверные ручки литого серебра! Да это же настоящий дворец! Неожиданно вспомнился ожидавший королевской аудиенции очень храбрый и очень бедный д'Артаньян. Мысль о том, что она, подобно знаменитому мушкетеру, удостоилась чести быть представленной ко двору, рассмешила ее, не

удержавшись, она прыснула в кулачок. Мужчины разом обернулись и вопросительно посмотрели на девушку.

— Извините, нервное, — оправдалась Алиса, — чувствую себя как в Эрмитаже.

Молодой человек заразительно расхохотался. Возникшая было неловкость мгновенно улетучилась, и банкир, похлопав сына по плечу, сказал:

— В общем, подругу я тебе привез. Как обещал. С днем рождения, сынок. Ну да некогда мне с вами хихикать. Через час встреча с членами правления. Извини. Дальше разбирайся сам, — с этими словами он вышел из зала.

Когда они остались одни, молодой человек осторожно приблизился к девушке и попытался взять ее за руку, но, почувствовав, как Алиса вздрогнула, отшатнулся и с горечью сказал:

— Да не бойся ты. Я не опасен. Химическая кастрация, знаешь ли. Самый унижительный из всех медицинских терминов.

Так все и началось. Алиса поселилась в загородной резиденции Фридманов, следила за тем, чтобы Марк вовремя принимал лекарства, болтовней вытаскивала его из депрессий, сопровождала в частых медицинских и редких увеселительных мероприятиях. По большей части это были Ленком, «Современник», реже Театр сатиры, читала ему на ночь Кафку и Пруста, совершенно не понимая ни того, ни другого и откровенно этим возмущаясь.

Девушку поселили в комнате рядом с Марком.

— Чтобы всегда под рукой была, мало ли что, — заявил Фридман-старший, распахивая перед ней дверь в просторную светлую комнату, стены которой были обиты палевым гобеленом с изображениями пасторальных сцен.

Мебель цвета слоновой кости в стиле Людовика XIV, удобный зеркальный шкаф во всю стену — дорого и очень по-девичьи. Фридман позаботился и о гардеробе компаньонки сына, выделив на это пять тысяч долларов.

— Чтоб Марку было не стыдно с тобой куда-то выйти. Сапоги новые купи, твои больше похожи на калоши, — ворчал он, вынимая деньги из портмоне.

Теперь в шкафу Алисы красовались эффектные платья, костюмы, блузки, брючки, был даже купальник от Chanel, над ним Алиса даже дышать боялась. Шутка ли, настоящий Chanel!

А через полтора месяца молодые люди поняли, что полюбили друг друга. И — о чудо! У Марка наступил период стойкой ремиссии, значительное улучшение здоровья позволило ему вернуться к занятиям литературой и физическим упражнениям. Он мечтал стать известным драматургом и страстно любил верховую езду. В начале декабря он предложил Алисе отправиться в путешествие по Европе, всемогущий отец в два дня оформил шенгенскую визу,

и влюбленные уехали. Перед отъездом Фридман-старший внимательно посмотрел в глаза сыну и посоветовал не делать глупостей.

— Я много раз говорил тебе, что любовь есть не что иное, как основанная на биохимических реакциях уловка природы. Провокация с целью продолжения рода. Гормональный взрыв, толкающий людей на глупости. А брак — дело интеллектуальное, продуманное и только тогда удачное. Помни об этом и отделяй зерна от плевел.

Сын, однако, к словам отца не прислушался. Проведя две романтические недели в Италии, где влюбленные облазили достопримечательности Флоренции (именно там под впечатлением истории Данте и Беатриче Портинари они дали друг другу клятву никогда не расставаться), Венеции и Рима, они переехали в Париж и однажды вечером, смакуя божоле нуво в маленьком ресторанчике на улице Муфтар, Марк подарил Алисе потрясающее кольцо с четырехкартным кабшоном от Van Cleef & Arpels и сделал ей предложение. Зеленоглазая невеста смешалась, резко побледнела, потом густо покраснела и после недолгих колебаний тихо произнесла очаровательное «да». Они поженились через три дня в муниципалитете одного из парижских предместьев. Аристократизм и романтика старой Европы, пылкая влюбленность, приближение самого счастливого в их жизни Нового года кружило молодым головы крепче испанского хереса,

который Марк так любил потягивать в баре по вечерам. Что касается Фридмана-старшего, то он не разделил восторгов сына по поводу женитьбы. Узнав о состоявшемся бракосочетании, отец процедил недовольное: «Поздравляю, еще одного идиота окольцевали» — и бросил трубку. Правда, утром следующего дня он перезвонил и поинтересовался, где молодые хотят провести медовый месяц. Марк ответил, что планирует переехать на виллу в Лугано. Отец недовольно фыркнул:

— Я ожидал этого. Не получится. В Лугано буду я, Фриц уже готовит дом к моему приезду.

— Но я хочу показать Алисе Швейцарию, — упрямо возразил Марк и беспомощно взглянул на сидящую рядом жену.

— Ну так и быть, — после небольшого раздумья отозвался отец. — Я сниму для вас небольшое шале в Гриндельвальде. На лыжах покатайтесь, свежим воздухом подышите. После загазованной Европы вам это не помешает. Идет?

— Еще как идет! Папа, ты просто гений, — радостно отозвался Марк.

— Я позвоню, когда все устрою. Удачи, молодожен, — сухо попрощался финансист, и из трубки послышались короткие резкие гудки.

Так они оказались здесь, в Гриндельвальде.

За спиной Алисы послышались шаги, и незнакомый баритон вернул ее к действительности:

— Hi, are you my neighbour, miss?

Обернувшись, она увидела невысокого плотного мужчину в спортивной куртке канареечного цвета и зимних кроссовках. Английский Алиса знала плохо, говорила коряво, понимала в рамках школьной программы. Сейчас она сообразила, что мужчина поздоровался и поинтересовался, является ли она его соседкой. Вежливо улыбаясь, она произнесла сакраментальное:

— Yes, of course, — и настороженно уставилась на незнакомца.

Тот заулыбался еще шире, обнажив широкий ряд ослепительно-белых зубов, и затараторил:

— I am Frank Lewis a lawyer from USA. I am staying over there, — и он радостно ткнул коротким пальцем в сторону видневшегося на соседнем холме небольшого, крытого коричневой черепицей дома.

— Он адвокат из Штатов и наш сосед, — вслух перевела Алиса и сосредоточенно наморщила лоб. — Aга! I am Alice from Russia and your neighbour, — после минутной паузы выдала она и остановилась: «На этом мой словарный запас практически исчерпан, придется делать умное лицо и приветливо кивать болтливому янки».

— Fine! Nice to meet you, — не унимался американец, блестя близко посаженными голубыми глазками. — It is Christmas today. I am absolutely alone. It is boring. I'd like to invite you to dine with me tonight.

— Господи, как же ты меня достал, — вполголоса пробормотала Алиса, напряженно обдумывая ответ на приглашение радушного американца. — Скучно ему одному в Рождество, видите ли. Merry Christmas, Frank, and thank you, — начала она, — but I married. My husband in house now, — на ломаном английском пыталась объяснить она.

Вместо «хасбанд» произнесла «хусбанд», чем немало позабавила адвоката. Разочарованно хмыкнув, тот снова ощерился в рекламном оскале и начал прощаться:

— O.k. Anyway you are welcome. I mean you and your husband. I'll send you some presents. Merry Christmas, Alice. Remember me to your husband, please. See you.

— Ciao, Frank, — кивнула Алиса.

Глядя на удаляющуюся желтую спину адвоката, Алиса беззвучно шевелила губами, силясь перевести последнюю тираду американца. «Что-то про подарки брякнул, — озадаченно пожала плечами она. — Может, у них так принято — на Рождество соседям подарки дарить? Чудной народ эти иностранцы, в Европе скупердьяй на скупердые сидит и скупердыем погоняет. А тут подарки соседям по горнолыжному курорту! Бред какой-то. Надо рассказать Марку», — гулять Алисе почему-то расхотелось, и она повернула назад, к дому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За завтраком обыкновенно спокойный и выдержанный Марк веселился напропалую, завидев Ингрид в блузке фисташкового цвета, он прыснул и вполголоса обратился к жене:

— Ты заметила? Обожает фисташковое мороженое, пиво пьет исключительно с фисташками и даже одежду предпочитает фисташкового цвета. Ходячая реклама компании по производству фисташек! Может, она у них подрабатывает, а?

Поймав на себе настороженный взгляд прислуги, Алиса благоразумно промолчала. Белевые глаза Ингрид вызывали у нее смешанное чувство страха и благоговения. Несмотря на скромное положение прислуги, швейцарка держалась с видимым превосходством и завидной уверенностью, а ее прозрачные, почти бесцветные глаза, обращенные на суетливых русских, всегда смотрели сквозь них. Она держалась так холодно и высокомерно, будто это Алиса с Марком ее обслуга, а не наоборот.

— Наблюдая ее манеры, — заметил как-то Марк, — можно подумать, что она принцесса крови, вынужденная батрачить на нуворишей. Королева в изгнании, не иначе.

Из-под длинной шерстяной юбки Ингрид торчали тощие лодыжки, а ступни мужеподобной мадам, широкие, растоптанные — настоящие крестьянские ножищи, — уродливо выпирали из туфель последнего размера.

После завтрака, состоявшего из кофе, жареного бекона, настоящего овечьего сыра и горячих круассанов, они с Марком отправились кататься на лыжах. Крутые снежные склоны, поросшие редкими соснами, отбрасывали глубокие синие тени, ослепительное солнце, и ни ветерка. Вечный покой, нарушаемый лишь мягким шорохом несущихся лыж и свистом рассекаемого на большой скорости воздуха.

Для Алисы и обыкновенные лыжи были диковиной, а горные и вовсе. На высоте тысячи метров над уровнем моря воздух не был разрежен, дышать было легко, но крутые горные склоны и стремительно несущиеся мимо люди пугали ее. Алиса, экипированная по последнему слову горнолыжного спорта, стояла на небольшом пригорке и с ужасом смотрела прямо перед собой.

— Надо было на инструктора согласиться, дура ты набитая, — бормотала она, затравленно озираясь вокруг. — Говорил тебе Марк, так нет же. Довыпендривалась вот.

Небольшой пологий спуск, по которому ей надлежало съехать, выглядел совершенно безобидно, но отчаянно трусившая Алиса не могла заставить себя сдвинуться с места. Глядя, как, сверкая очками, вниз проносятся лихие мужчины и женщины, она мучительно потела, не решаясь спуститься с крохотного пригорка, отведенного для детей и начинающих. Марк то и дело пролетал мимо, залихватски крича и взметая столбы снежной пыли на виражах. Его синяя вязаная шапочка и платиновый костюм, блестящий в солнечных лучах как олимпийская медаль, с сумасшедшей скоростью мелькали между одиноко торчавшими на трассе соснами. У Алисы внезапно затряслись колени, от непрестанного мелькания лыжников перед глазами поплыли разноцветные пятна, закружилась голова, противная горькая тошнота подступила к горлу, и она с размаху села в сугроб.

— Вам помочь? — раздался рядом незнакомый голос.

Алиса скосила глаза и увидела симпатичного парня в лыжном костюме василькового цвета, на вид ровесника, он присел на корточки, поднял очки на лоб и участливо заглянул ей в лицо.

— Страшно? — понимающе улыбнулся молодой человек. — Первый раз, наверно?

Девушка удрученно кивнула и попыталась подняться, но непослушные ноги подкосились, и она неуклюже плюхнулась обратно в снег.

— Давайте-ка помогу, — бодро сказал шатен, крепко ухватил Алису под мышки, поставил на ноги и аккуратно отбуксировал в ближайшее кафе у подножия холма, помог снять лыжи, заказал глинтвейн, не слушая возражений, оплатил его и сунул ей в руку визитку.

— Невнимательный у вас, однако, друг, — с улыбкой констатировал парень, глядя, как Алиса торопливо глотает горячий напиток. — Новичков бросать нельзя. Отдыхайте. Если охота не пропала, то через полчаса жду вас на том же месте. Будем учиться, — скороговоркой выпалил он и, не дожидаясь ответа, умчался прочь.

Огорченная лыжным фиаско, Алиса благодарно улыбнулась вслед спасителю, блаженно вытянула усталые ноги, достала из кармана мобильник и набрала номер мужа.

— Я замерзла, домой хочу, — заканючила она пыхтящему в трубку Марку.

— Лады, Попелюшка, — ответил Марк. — Я тоже подустал с непривычки. Да и погода портится.

— Я тебя сто раз просила не называть меня Попелюшкой, — нарочито капризно сказала Алиса, глядя в окно на неожиданно начавшийся снегопад.

— Хорошо. Лиса, а ты где?

— Внизу. В кафе. И соскучилась.

— Я тоже. Буду минут через десять. Целую, Попелюшка.

Из трубки понеслись короткие гудки. Не успев ответить на провокацию мужа, Алиса в сердцах бросила мобильник на стол. Попелюшка на украинском означает Золушка, и когда Марк хотел поддразнить молодую жену, то пускал в ход это неуклюжее прозвище. Алиса непритворно возмущалась, Марк смеялся и ласково пояснял:

— Не злись, солнышко. Ты же и впрямь Золушка! Такая же добрая, красивая и удачливая. Или я не прав?

Допив глинтвейн, Алиса отодвинула бокал и от нечего делать начала изучать оставленную спасителем визитку. На серебристом кусочке картона черным шрифтом значилось: Британов Евгений Альфредович, банк «Пирамида», юрисконсульт.

— Одни банкиры кругом! Складывается впечатление, что это самая востребованная профессия, — усмехнулась Алиса и запихнула визитку в салфетницу. — Может, кому и пригодится.

Через пятнадцать минут возле кафе притормозило взятое напрокат красное «Вольво», из машины высунулся Марк, заметил в стеклянной витрине кафе светлую головку жены и призывно помахал рукой. Вернув лыжи Алисы, он сел за руль, чмокнул ее в теплую щеку, извиняясь за чрезмерное увлечение катанием, и заявил:

— Едем за вином и продуктами. Вечером устроим празднование католического Рождества. Кто против? Принято единогласно!

Алиса с удовольствием смотрела на худое подвижное лицо Марка, длинный хрящеватый нос с заметной горбинкой, чуть вздернутую белесым шрамом бровь, крупные чувственные губы, шапку черных вьющихся волос (они наконец отросли) и счастливо улыбалась.

— Ты — ангел, — шепнул Марк, ткнувшись губами в шею Алисы, и резко вывернул руль, выбираясь с местной дороги на шоссе.

— Нет, это ты мой ангел-хранитель. И прошу об этом помнить, — игриво оттолкнула она мужа. — Если ты сейчас не будешь осторожным, то мы вляпаемся во что-нибудь.

— Ни за что! Мы просто обязаны жить долго-долго и умереть в один день! Последние анализы пообещали мне еще лет пять. — Марк хитро подмигнул жене.

— Очень праздничная тема, — надула губы Алиса, достала из бардачка несессер и принялась подпиливать сломанный ноготь.

— Упала? — сочувственно покосился Марк. — Кстати, с каких это пор ты стала избегать разговоров о моем драгоценном здоровье?

— Я не избегаю. Просто, когда чувствуешь себя счастливой, упоминание о смерти бестактно.

— А ты счастлива? — Марк испытующе посмотрел на жену.

Она загадочно молчала, томно прикрыв глаза темными ресницами, и он понял. Съехал на

обочину, остановился, повернулся к притихшей девушке, осторожно убрал тонкие светлые пряди с узенького лица, обхватил его ладонями и принялся осыпать поцелуями глаза, покорно закрывшиеся под любовным натиском, усыпанный крохотными рыжими веснушками нос, круглую родинку возле правого уха.

— Девочка моя, единственная. Радость моя, как я жил без тебя? — бормотал он, задыхаясь от нежности. — То был сон, похожий на смерть! — неожиданным басом взревел он, внезапно оторвавшись от теплых податливых губ жены.

— Ты опять за свое? — с напускной суровостью фыркнула Алиса. — Я не хочу, слышишь, не хочу больше слышать это омерзительное слово, — протестовала она, шутливо молотя кулачками по жесткому худому плечу Марка. — Обещаешь больше никогда не произносить эту гадость в моем присутствии? Обещаешь?

— Обещаю. Да будет так. Аминь, — сдался наконец Марк, ловко уворачиваясь от тумачков.

— То-то же. Вот теперь поехали, — примирительно сказала Алиса и вернулась к шлифовке покалеченного ногтя.

Вечер обещал быть чудесным. Снегопад неожиданно прекратился. Воздух, напоенный морозной свежестью, крупные, словно вырезанные из мягкой желтой жести звезды и вселенская тишина. Как в храме. Алиса стояла на веранде, запрокинув голову к небу, курила и любовалась.